

РЕПАТРИАЦИЯ ЯПОНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ВОЕННОПЛЕННЫХ С ТЕРРИТОРИИ САХАЛИНА И КУРИЛЬСЬКИХ ОСТРОВОВ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Виктор КАРПОВ

Репатриация японских военнопленных из СССР на родину

Проблема возвращения японского гражданского населения и военнопленных домой встала сразу же по окончании войны. Это объяснялось настойчивостью США, которые требовали соблюдения Потсдамских договоренностей и скорейшего возвращения пленных в Японию, а также трудным положением в лагерях и высокой смертностью пленных зимой 1945-1946 гг. И в дополнение, для советского правительства было важно сближение с Японией. Исходя из этого, советское правительство 4 октября 1946 г. приняло постановление “О репатриации из СССР японских военнопленных и интернированных гражданских лиц”.

Осуществление репатриации из СССР японских военнопленных и гражданского населения было возложено на уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации. Оно должно было осуществлять сбор, учет, размещение и содержание в лагерях репатриации японских военнопленных и гражданских лиц, которые отправлялись на родину. Эта работа должна была проводиться вместе с Военными Советами Дальневосточного, Приморского, Забайкало-Амурского, Восточно-Сибирского военных округов и начальником тыла Вооруженных сил СССР. Выполнение этой задачи было возложено также еще на восемь министерств. С целью координации действий министерств с центром и лагерями в округах создавались отделы репатриации.

Предполагалось, что все расходы, связанные с репатриацией военнопленных и гражданских лиц с территории СССР и территорий которые контролировались СССР должны быть отнесены за счет японского правительства. Для осуществления репатриации были образованы специальные лагеря – сборные и транзитные. Лагеря репатриации были организованы в соответствии с постановлением правительства и директивами Генерального штаба ВС СССР. В Дальневосточном военном округе в порту Маока размещался лагерь № 379. Приморский военный округ развернул в бухте Находка лагерь № 380. На территории Северной Кореи были созданы лагеря № 51 (порт Гензан) и № 53 (порт Конан), а лагерь № 14 в порту Дальний на Ляодунском полуострове. Все вышеназванные лагеря были транзитными, т. е. репатрианты в них на долго не задерживались. Сборные лагеря были открыты в Забайкало-Амурском военном округе - № 381, в Восточно-Сибирском военном округе - № 382.

Перед сборными лагерями ставилась задача подготовки военнопленных к отправке в транзитные лагеря. Туда отправлялись ослабленные военнопленные для восстановления здоровья. Тем не менее, на практике большинство военнопленных направлялось непосредственно в транзитные лагеря.

Основную роль в осуществлении процесса репатриации играли транзитные лагеря, где военнопленные проходили подготовку к отправке на родину и, соответственно, режим и охрана в этих лагерях не были подобны режиму содержания в лагерях МВД.

К группе транзитных лагерей принадлежали лагеря в Конане, Гензане, Дальнем, Находке и Маока. Их размещение было обусловлено направлениями репатриационных потоков. С Ляодунского полуострова репатрианты вывозились через транзитный лагерь № 14 в порту Дальний; из Северной Кореи через транзитный лагерь № 51 в Гензане и № 53 в Конане. Последний впоследствии был переведен в бухту Находка. На территории Советского Союза находилось два транзитных лагеря репатриации. Через 379-й транзитный лагерь в порту Маока в основном репатриировалось японское гражданское население Южного Сахалина и Курильских островов. Через ворота этого лагеря прошла и некоторая часть военнопленных, находившихся в этом регионе. Часть военнопленных была вывезена также через лагеря в Северной Корее и на Квантунском полуострове. Основная же масса, находившихся на территории СССР пленных прошла через 380-й транзитный лагерь репатриации в порту Находка.

379-й транзитный лагерь репатриации был открыт 1 ноября 1946 года. Он размещался в четырех деревянных зданиях бывшей женской гимназии в полуторах километрах от порта. При “уплотненном” размещении в 2-3 яруса нар лагерь мог поместить до 5 000 репатриантов. Непосредственно на территории лагеря половину одного корпуса и отдельное двухэтажное здание занимала русская средняя школа и интернат. Кроме того, четыре жилых дома занимал учительский состав этой школы. В 1947 году школу перевели в порт Маока, в помещение бывшей японской школы, необходимость в которой отпала поскольку в первую очередь репатриировались японцы из этого района.

Второго декабря 1946 года на рейд порта Маока стал первый японский пароход, который прибыл в СССР за репатриантами. Итогом репатриации 1946 года, а это был лишь один месяц – декабрь – из СССР и районов, которые он контролировал было отправлено 27173 военнопленных.

Советская администрация за короткий период репатриации 1946 года сумела создать систему репатриации, наладить ее работу, а также выработать политику ее осуществления, которую надлежало реализовать в последующие годы. Тем не менее дальнейшая репатриация японских военнопленных была фактически приостановлена. Главной причиной этого была необходимость в использовании японцев в качестве рабочей силы. К началу репатриации военнопленные японцы были задействованы почти во всех экономических структурах Дальнего Востока, Сибири и Средней Азии. И изъятие их из народного хозяйства могло иметь отрицательные последствия для экономики указанных регионов. Например, репатриация японцев, занятых в рыбной промышленности на Курильских островах и Сахалине, угрожала остановкой этих предприятий на 1-2 года.

“На предприятиях Министерства лесной промышленности СССР, - писал министр М.Салтыков, - в районах Дальнего Востока и Сибири размещено 21586 военнопленных японцев. Снятие их с работы, из-за полного отсутствия местных контингентов для укомплектования предприятий рабочей силой,

вызовет срыв выполнения производственных планов”. В связи с этим министр просил органы репатриации осуществить репатриацию военнопленных в последнюю очередь.

В связи с тем, что в Японии усилилась кампания за ускорение репатриации и она стала приобретать политический оттенок советское руководство принимает решение осуществить репатриацию в 1947 году с темпом в 20 тыс. военнопленных ежемесячно. По данным Управления репатриации, на территории СССР находилось 455 327 военнопленных.

По приказу министра внутренних дел в 1947 году освобождению и репатриации подлежали в первую очередь военнопленные, от трудового использования которых отказались сами хозяйственные организации; военнопленные, которые содержались в неблагоустроенных лагерях и батальонах МВД; военнопленные которых использовали мелкими группами на второстепенных предприятиях и предприятиях местного значения. К первой очереди также принадлежали транспортабельные больные из лазаретов и госпиталей, а также военнопленные, отнесенные к третьей категории физического труда, которые содержались в оздоровительных командах. Указанная группа военнопленных на протяжении всего срока репатриации 1947 года должна была быть освобождена полностью, при этом вывоз больных и ослабленных планировался на теплую пору года.

По данным органов репатриации с декабря 1946 года по 29 декабря 1947 года из портов Находка и Маока было репатрировано в Японию 199 281 военнопленных.

Одновременно с репатриацией японских военнопленных с территории Советского Союза, в 1947 году была осуществлена репатриация японских солдат и офицеров из районов Северной Кореи и Ляодунского полуострова. В этих, контролируемых СССР районах, кроме военнопленных японцев находилось и японское гражданское население. Репатриационная кампания из этих районов была непродолжительной и была закончена до 1 апреля 1947 года. В итоге было репатрировано 245 480 человек, из которых 34 859 военнопленных.

Таким образом, за два года было отправлено в Японию 243 060 военнопленных. Репатриацию японских солдат и офицеров в 1946-1947 годах условно можно объединить в один период и назвать его организационным. В это время были созданы и испытаны на практике органы репатриации на востоке СССР.

По ходу репатриации в этот период были решены и некоторые другие задачи. Во-первых, состав военнопленных был основательно очищен от “балласта рабочей силы” – больных и ослабленных. Во-вторых, состоялось уменьшение количества военнопленных, что позволило разместить их в нормальных условиях. Вместе с тем, стало очевидным, что репатриация военнопленных и населения будет носить долгосрочный характер. Это повлекло за собою необходимость улучшения и усовершенствование всех сторон работы с военнопленными, в том числе и условий их содержания.

Весной 1948 года на территории СССР еще находилось 256 000 военнопленных и 106 500 жителей Южного Сахалина. Хотя темп репатриации был согласован с американской стороной и установлен на уровне 50 тысяч человек на месяц, что позволяло вывезти в этом году за семь навигационных месяцев всех интернированных японцев, однако, “учитывая народнохозяйственные

интересы, закончить репатриацию всех японцев на протяжении 1948 года не представлялось возможным. Хотя это и могло повлечь за собой нарушение существующего соглашения”, - писал Молотову Уполномоченный правительства по делам репатриации генерал Голиков.

Было предложено репатриировать в период мая-ноября 1948 года по 25 тысяч военнопленных ежемесячно, то есть 175 тысяч человек. Всего же по решению правительства должно было быть репатриировано 285 758 человек. Из списков репатриантов исключались работники разведывательных, контрразведывательных, карательных органов Японии; воинские преступники, на которых открыты материалы следствия; участники “противоэпидемического отряда 731”; руководители и активные участники реакционных организаций и групп; руководители правительственных учреждений и органов Манчжоу-Го, а также члены японского императорского двора.

Все военнопленные, осужденные за преступления, содеянные в плену, задерживались до истечения срока наказания. Также задерживались и транспортабельные больные - до выздоровления. Были приняты меры для того, чтобы не допустить вывоза за границу советской валюты, изымались документы с записями, которые имели информацию секретного характера и которая могла быть использована против Советского Союза.

Всего за кампанию 1948 года в Японию было отправлено 175103 военнопленных. После кампании 1948 года в лагерях МВД осталось 91563 военнопленных японца. В 1949 году Совет Министров СССР считая, что оставленные военнопленные уже не представляют особого интереса для советской промышленности, утвердило решение о их полной репатриации на протяжении года.

Завершилась репатриация 1949 года отправкой 87 416 военнопленных, хотя нельзя было сказать, что она была окончательно закончена. Период 1948-1949 годов можно назвать периодом массовой репатриации.

Репатриация в 1950 году продолжилась. Изменились ее масштабы и характер. Теперь военнопленные отправлялись домой немногочисленными партиями и только после того, как набиралось достаточное количество репатриантов. Все зависело от процесса фильтрации военнопленных, который происходил в лагерях МВД.

Окончательная проверка пленных МВД была закончена в августе 1950 года. После этого в СССР остались лишь “осужденные” и те, что были обвинены в преступлениях и ждали решения суда. Всего в 1950 году было отправлено в Японию 5584 военнопленных. Таким образом, репатриация военнопленных и интернированных японских граждан, а также гражданского населения была закончена. Продолжалась она почти четыре года. Тем не менее еще шесть лет после этого длился период возвращения домой осужденных военнослужащих японской армии.

В октябре 1956 года в результате переговоров на высшем уровне в Москве была достигнута договоренность о нормализации отношений между СССР и Японией. Одна из статей Декларации предусматривала согласие Советского Союза освободить и репатриировать на родину всех японских граждан. Подводя итог урегулированию этой проблемы Президиум Верховного Совета СССР 13 декабря 1956 года подписал указ, которым, предлагалось освободить из мест заключения всех

осужденных японских граждан и разрешить им возвратиться на родину. Последние 1040 японских граждан 24 декабря 1956 года были репатрированы.

Таким образом, внешнеполитические и внутренние обстоятельства побудили советское правительство в 1946-1956 годах осуществлять репатриацию военнопленных в Японию. В итоге было возвращено на родину 514.591 японских солдат и офицеров. Продолжительный срок репатриации был обусловлен как военно-политическим, так и экономическим и идеологическим фактором. Репатриация японских военнопленных стала важной предпосылкой для нормализации отношений между СССР и Японией.

Репатриация с территории Сахалина и Курильских островов

Политика Советского Правительства по отношению к японскому гражданскому населению Южного Сахалина и Курильских островов была неровной на протяжении всего его пребывания в СССР. В первые дни после занятия войсками 2-го Дальневосточного фронта этих территорий стояла задача не оправдать в глазах населения тех стереотипов, которые пропагандировались ему до войны японскими военными властями. Как известно, японское население Карафуто (Сахалина) с уходом японских войск оставляло свои места обитания и уходило в сопки. Советским войскам для того, чтобы доказать свой миролюбивый характер, приходилось раздавать бесплатно рис и другие продукты питания. Постепенно доверие японцев к русским возрастало, а к осени 1946 года их жизненный уровень оказался выше, чем в Японии.

В то же время обитатели острова Карафуто как и других островов, вошедших в состав СССР, могли ощущать ограниченность в своей свободе. Они не могли занимать руководящих постов на фабриках и заводах. Последние, как и земля, были национализированы. Японские владельцы заводов были замещены русскими директорами. Владельцы, теряя свою собственность, превращались в обычных чиновников. Японцы не могли посещать свои семьи на острове Хоккайдо. Те из них, кто пытался пересечь границу в любом направлении, подвергались наказанию и оказывались за тюремной решеткой по обвинению в нарушении государственной границы СССР. Не было привычной для них возможности торговли с соотечественниками в Японии. Карафуто стал Сахалином.

Когда доверие японцев к русским властям укрепилось, необходимость тщательного опекуинства населения враждебного государства отпала. Японцы это почувствовали сразу на себе - их продовольственный паек похудел, а снабжение стало нерегулярным. Прохладное отношение к японскому населению со стороны новых властей особенно возросло после решения советского правительства о репатриации на родину всех японцев, проживавших на Курильских островах и Южном Сахалине. Несмотря на принцип добровольности при репатриации, японцы выметались со всех уголков названных островов.

Расстановка рабочей силы в островном хозяйстве предопределила темп репатриации. Из 294 000 человек, находившихся на Южном Сахалине и 7 000 человек японцев, проживавших на Курильских островах, в промышленности и сельском хозяйстве было занято 90 тысяч. В угольной

промышленности было занято до 15 000 человек, в бумажной и лесной промышленности - до 12 000, рыбной - до 10 000, а с марта эта цифра возрастала до 20 000 человек на период лова рыбы. На железнодорожном транспорте, как и местной промышленности, было задействовано до 3 000 человек. Остальные люди были заняты в сельском хозяйстве.

При подготовке проекта постановления правительства о репатриации в 1947 году управление репатриации, мало знакомое с местными условиями, предложило ее темп в 30 000 человек в месяц. При таком темпе репатриация с островов была бы завершена в том же году. Местные власти возражали против установления такого темпа, мотивируя это тем, “что репатриация этих контингентов темпом в 30 000 человек в месяц, с расчетом ее завершения в 1947 году, вызовет большие трудности и нанесет большой ущерб всему народному хозяйству Южного Сахалина, так как рабочей силы из числа советских граждан нет и в 1947 году поступление ее в таких масштабах не планируется”.

Местные руководители предлагали принять темп репатриации не свыше 10 000 человек в месяц, и тем самым растянуть эту компанию на срок от 3-х до 5-ти лет. В Москве понимали их трудности, но к их предложениям не прислушались - темп репатриации на 1947 год был установлен в количестве 30 000 гражданских лиц в месяц. Местная островная администрация не собиралась сдаваться. Конфликт между Сахалинским облисполкомом и управлением репатриации продолжался все годы репатриации и, как ни странно для тех лет, облисполком все же настоял на своем.

Особенность репатриации с Южного Сахалина и Курильских островов состояла в том, чтобы в первую очередь вывезти японцев семьи которых находились в Японии. Наряду с ними предстояло также репатриировать всех незанятых “общественно-полезным трудом”. В числе первых вывозились и военнопленные японцы с Курильских островов и с Южного Сахалина, которые находились в ведении Министерства Вооруженных Сил СССР.

Первыми, кто вошел на территорию 379-го транзитного лагеря были три отдельных рабочих батальона военнопленных общей численностью 2 974 человека. Командные должности в подразделениях занимали японские офицеры. Затем, с 3 ноября 1946 года в лагерь начали поступать японские гражданские лица. К 6 ноября их собралось 2 341 человек. Среди военнопленных оказались 372 солдата и офицера, чьи семьи проживали на острове. Они изъявили желание остаться на Сахалине до репатриации их семей. Органы МВД установили, что только у 106 человек действительно семьи проживают на Сахалине и их 15 ноября отпустили по домам. В конце ноября в лагерь с острова Парамусир прибыл еще один батальон военнопленных.

2 декабря 1946 года на рейд порта Маока стал первый японский пароход, прибывший в СССР за репатриантами. Капитаном корабля был Кацудзи Мидзутани. Его пароход принадлежал к категории товарно-пассажирских, более приспособленный к перевозке груза, чем людей и мог принять на борт до 1 500 человек, если их разместить в трюмах на полу. Затем 3 и 4 декабря прибыли пароходы “Унзен мару” и “Хакурю мару”, которые увезли домой 5 689 человек, в том числе и 2 955 военнопленных.

Все пароходы загружались и выходили на рейд в день их прибытия в порт. Для погрузки парохода требовалось 2-3 часа. Репатрианты из лагеря в порт направлялись в пешем порядке, в сопровождении офицеров и солдат Советской Армии. Женщины, старики и дети перевозились на

автомобилах. После посадки на пароход, в момент его отхода сотни репатриантов выходили на палубу, чтобы проститься и еще раз, после организованного перед посадкой митинга, “выразить благодарность представителям советского народа за заботу и внимание”, а скорее всего для того, чтобы в последний раз взглянуть на оставленные, обжитые и ставшие родными места, где до этого момента они проживали.

С территории СССР, в связи с закрытием навигации в портах Маока и Находка, репатриация была остановлена до апреля 1947 года. Правда, несмотря на “закрытие” портов в январе месяце 1947 года из 380-го транзитного лагеря было отправлено 5 009 человек и из 379-го транзитного лагеря 5 400 человек.

В апреле и мае 1947 года поступление японского гражданского населения в 379-й лагерь, расположенный в порту Маока, проходил по плану составленному отделом репатриации Дальневосточного военного округа совместно с Сахалинским облисполкомом. План этот утверждался Командующим войсками ДВО. В лагерь японцы приезжали по железной дороге, при этом оплату билетов и багажа осуществляли за свой счет. Из районов, не имевших с портом Маока железнодорожного сообщения, а это Углегорский и Лесогорский районы и Курильские острова, доставка репатриантов в лагерь производилась водным транспортом. Деловые отношения отдела репатриации ДВО с областными и городскими учреждениями репатриации были не вполне нормальными из-за того, что последние в проведении этой работы оказывали слабую помощь и старались всю работу по сосредоточению репатриантов в лагерь возложить на отдел репатриации. Отдел не имел возможности проводить масштабную работу из-за своей малочисленности.

Несмотря на наличие совместного плана, Сахалинский облисполком на июнь составил свой план, по которому предусматривался вывоз японцев морским транспортом из Лесогорского и Углегорского районов в количестве 24 000 человек, что не могло быть выполнено из-за отсутствия “свободного тоннажа” в Морфлоте СССР. Неотъемлемой частью наступления местной администрации было также письмо Молотову от секретаря Сахалинского обкома ВКП(б) Мельника и председателя облисполкома Крюкова о снижении темпа репатриации до 10 000 человек в месяц.

На основании этого, не дожидаясь решения правительства, местная администрация прекратила подвоз репатриантов. Это вызвало угрозу срыва погрузки репатриантов на очередные корабли и возникновения негативной реакции со стороны США и Японии. В связи с этим пришлось реагировать Управлению репатриации, которому предложение Крюкова и Мельника было неприемлемо, так как оно привело бы к необходимости увеличить темп репатриации военнопленных японцев, что было “крайне нежелательно, ибо военнопленные как организованная рабочая сила приносят больше пользы на работах в народном хозяйстве, нежели гражданское население, где на одного работающего приходится 2-3 неработающих члена семьи”.

В целях ослабления возникшей напряженности в репатриации японского населения с Южного Сахалина генерал Голиков и министр внутренних дел Круглов обратились за помощью к Берии и просили разрешить проблему снижения темпа репатриации в июне-августе до 24 000 человек за счет

увеличения темпа отправки военнопленных - “неработающих японских офицеров и гражданских чиновников.” Первый этап был выигран местной администрацией.

Что касается репатриации военнопленных в 1947 году то эта цифра была перекрыта на 39 281 человек. Из запланированных 240 000 гражданских лиц было репатрировано из СССР 169 245 человек. Здесь очевидно, что политика противодействия выполнению плана репатриации, которую проводила администрация Сахалинской области имела свой успех: 70 755 человек остались работать на Сахалине в ожидании своей очереди. Соглашение с американцами о темпах репатриации было выполнено за счет контролируемых СССР территорий Северной Кореи и Ляодунского полуострова где репатриация, за малым исключением, была завершена. Всего в 1947 году было репатрировано 625 707 человек как военнопленных так и гражданских лиц.

Второй пик противоречий между местными и московскими органами репатриации произошел спустя месяц. В середине июля глава Сахалинской администрации Крюков отдал распоряжение прекратить сосредоточение репатриантов в лагерь. В это же время в порт должны были прибыть корабли за очередной группой. В связи с тем, что в лагере находилось только 1 000 человек японских граждан, корабли могли уйти незагруженными. Безусловно, это вызвало бы “нехороший отклик в Японии”. С тем, чтобы этого не произошло, генерал Голиков просил Молотова обязать местную администрацию безоговорочно выполнять постановление правительства о репатриации.

В этот момент бастион Управления по делам репатриации дрогнул - оно попросило Молотова принять решение об изменении темпов репатриации. Позиции Управления были ослаблены в силу того, что Крюков пользовался благосклонным отношением со стороны заинтересованных министров, которые обеспечили ему поддержку правительства в целом.

Этому способствовало и обсуждение в правительстве проблемы переселения из центральных районов СССР “колхозников и другого сельского и городского населения”. Разрешение спора состоялось 28 августа и было закреплено в постановлении правительства № 3014. Совет Министров СССР предложил в сентябре репатриировать с Сахалина 15 000 гражданского населения, кроме того до конца репатриации 1947 года репатриировать 30% японцев, занятых в угольной и целлюлозно-бумажной промышленности острова.

Прореха в количестве репатриированных закрывалась увеличением числа репатриантов из числа военнопленных и за счет репатриации ранее переданных Монгольской Народной Республике военнопленных. Репатриация гражданского населения неуклонно снижалась и в ноябре месяце достигла минимальной цифры 1 000 человек в месяц.

Изменение темпов репатриации было замечено другой стороной, о чем американцы открыто заявляли. Более того, они обратились к советской стороне не только с претензией о нарушении соглашения, но и с предложением направить любое количество судов в любой порт Южного Сахалина для вывоза японцев. В декабре они предлагали выделить ледокол для сопровождения судов. Эти предложения с благодарностью были отвергнуты.

Сахалинский облисполком сообщил, что на территории Южного Сахалина осталось 112 480 японцев, которые “по плану должны быть репатриированы” в Японию в 1948 году. Здесь он опять

откорректировал план составленный московским Управлением репатриации. Ввиду того, что завоз рабочей силы для предприятий Южного Сахалина планировалось производить в течении 1948 года, а репатриацию японцев наметили в основном на первую половину 1948 года, что “может повлечь за собой остановку действующих промышленных предприятий”, облисполком просил отсрочить репатриацию.

Опыт подсказал генералу Голикову, что проблемы прошедшего года не решены, а противоречия между ведомствами остались. Сахалинский облисполком на 1948 год установил темп репатриации в 20 тысяч человек, снижая его в течении года до 11 тысяч человек в месяц. Это означало, что темп репатриации военнопленных нужно было устанавливать в 30-35 тысяч человек. В свою очередь МВД СССР установило свой темп репатриации военнопленных в 20 000 человек. Для того, чтобы выполнить соглашение с американцами необходимо было пренебречь чьими-либо интересами. Противоречия снимались только постановлением правительства.

Правительство приняло решение репатриировать с Южного Сахалина по 15 тысяч человек в месяц. В 1948 году план репатриации выполнялся. Основные затруднения для органов репатриации были в несвоевременной подготовке репатриантов в районах и направлении их в 379-й лагерь. К тому же отсутствие постоянного морского транспорта для вывоза репатриантов из Углегорского, Лесогорского районов и Курильских островов довели дело до того, что репатриацию с этих районов завершили только в 1949 году.

Органы репатриации уже в августе 1948 года заметили стремление отдельных работников районов и области задержать людей, особенно это касалось крестьян, которых хотели оставить на 1949 год. С просьбой об этом облисполком и обком ВКП(б) обратились в правительство. Молотов не разрешил оставить японцев и предложил местной администрации выполнить постановление правительства и закончить репатриацию японского гражданского населения с Южного Сахалина и Курильских островов в ноябре месяце.

Но не тут то было. В декабре был расформирован отдел репатриации Дальневосточного военного округа, а на Сахалине остались 4 446 человек. Упорство и настойчивость местной администрации становится понятной, когда узнаешь, что японцам разрешалось брать с собой 100 кг имущества на человека. Дом, скот, орудия труда с собой брать не разрешалось. За всем этим нужно было кому-то присмотреть. Без помощи японского населения здесь было не обойтись. По этой причине было задержано минимально необходимое число японцев. Вторая причина заключалась в том, что из дальних районов не успели вывезти репатриантов. В Углегорском, Лесогорском и Томаринском районах осталось 3 261 человек из общего числа оставшихся.

Репатриация последних оставшихся японцев была осуществлена в июне 1949 года. Ими уже особенно никто не занимался, и если бы не обязательства СССР то они, наверняка, остались бы там жить на более продолжительное время. По постановлению правительства № 2326-905с от 10 июня 1949 года в Японию с Южного Сахалина было отправлено 4 708 японских граждан. После их отправки на острове осталось 943 человека. В их числе 469 человек, пожелавших остаться в Советском Союзе, 187

детей до 16 лет и 287 человек репрессированных японцев, последний из которых должен был освободиться в 1974 году.

Репатриация японского гражданского населения с территории СССР
и территорий находящихся под его контролем

Территории	Военнопленные	Гражданское население	Всего
СССР	479 732	292 488	772 220
Ляодунский полуостров	12 456	207 897	220 353
Северная Корея	22 403	5 472	27 875
Всего:	514 591	505 857	1 020 448

Для репатриации последней партии японцев приказом командующего ДВО был сформирован временный транзитный лагерь репатриации на базе бывшего 379-го лагеря. Лагерь был готов к приему репатриантов к 24 июня 1949 года и уже 25 июня началось сосредоточение репатриантов.

Первый пароход за репатриантами прибыл 28 июня утром. Это был пароход “Токудзи мару”. Убыл этот пароход только 29 июня. Все дело в том, что основная масса репатриантов, а это были японцы из Углегорского района, прибыли двумя пароходами в ночь на 28-е июня. В течении суток все вещи репатриантов были перевезены автотранспортом из порта в лагерь, там досмотрены таможенниками и снова вывезены в порт. За это время репатрианты были подвергнуты медико-санитарной обработке и только после этого посажены на пароход. После их убытия в лагере никого не осталось. Сосредоточение репатриантов на следующие пароходы началось 7 июля 1949 года и закончилось 16 июля. Отдельные мелкие группы поступали еще до 19 июля, а утром 20 июля прибыл пароход “Мамия мару” и после обеда того же дня пароход “Хокури мару”. Это были последние пароходы, забравшие с собой последних японских граждан, проживавших на Южном Сахалине. Знакомство с советской властью закончилось. На место убывших японцев начали заселяться переселенцы из европейских районов СССР.

По данным органов репатриации по состоянию на 1 июля 1952 года было репатрировано 499 675 человек. Хотя по подсчетам за каждые годы по документам тех же органов репатрировано 505 857 гражданских лиц из которых 292 488 человек были из Сахалинской области.